

СТРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ «МОСКОВСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ» (ПУБЛИКАЦИИ В.И. ДАЛЯ В ЖУРНАЛЕ)*

В статье говорится о малоизученном журнале 19 века, который вел полемику с «Библиотекой для Чтения», редактируемой О.И. Сенковским. В сказке В.И. Даля «Письма к свату...» эзоповым языком высказаны претензии к редактору «Библиотеки для Чтения». Многочисленные намеки помогают обнаружить полемический подтекст произведения. В статье приводятся цитаты из сказки, которая неизвестна широкому кругу читателей.

Ключевые слова: сказка, эзопов язык, полемический подтекст.

На протяжении всего существования «Московский Наблюдатель» вел достаточно эмоциональный и можно даже сказать ожесточенный спор со многими периодическими изданиями своего времени. Наиболее известна полемика с редактором журнала «Телескоп» Николаем Надеждиным, который дал резко критическую оценку научному труду Степана Шевырева «История Поэзии», фрагмент которого был напечатан в «Московском Наблюдателе». Кроме того, редколлегия спорила и с газетой «Молва» и с «Сыном Отечества», но наиболее последовательную и постоянную полемику журнал вел с петербургской «Библиотекой для Чтения», редактируемой О. И. Сенковским. В тот период, когда номинальным редактором «Московского Наблюдателя» был В.П. Андроссов, а фактическим Ст. Шевырев, стычки с «Библиотекой» были постоянными и полемические заметки появлялись почти в каждой книжке «Московского Наблюдателя». Достаточно сказать, что в период с 1835 по 1837 годы публикации «Библиотеки для Чтения», эстетические взгляды и литературные пристрастия ее редактора, критиковались «Московским Наблюдателем» четырнадцать раз в той или иной форме. Характерно, что прямые выпады против «Библиотеки» обязательно присутствовали в больших статьях С. Шевырева, в частности, в статье «О критике вообще и у нас в России» [1]. Здесь критик высказывался в адрес журнала и его непосредственного редактора: «Единственными представителями Критики служат у нас Журналы – и преимущественно Библиотека для Чтения, которая подчинила своей расправе все произведения нашей Словесности, которая зорким глазом своим не пропускает ни одного из них и подписывает каждому приговор решительный... Литератор, принявший на себя этот огромный подвиг, скрыл свое настоящее имя и назвался... кто бы мог подумать? каким именем? – Турецким, Манчжурским или Татарским (не знаю восточных языков и решить этого не могу), но только Азиатским... Он назвался, как известно всем читателям Библиотеки, *Тютюнджю-оглу!*... Уж не новое ли Татарское нашествие постигло нашу Литературу? Критика Библиотеки для Чтения не есть ли новая Золотая Орда, куда все литераторы наши должны ездить как данники, чтобы снискать милость этого литературного Мамаю, этого Тютюнджю-оглу! ... То снимает он венец с Вальтер-Скотта, увенчанного всею Европою XIX столетия, клеймит его именем шарлатана ... То, снявши лавровый венец с Гете, венчает им одного из наших молодых поэтов, который верно сам

* © Рамазанова Г.Г.

краснеет от непонятной милости Татарского Хана, и в третьем номере журнала развенчивает того самого, которого венчал в первом! ...Того книгу бросит под стол; этому кричит: браво! браво!; другому с высоты своего Ханского престола, изъявляет благоволение словами: будет писать хорошо! – Не забудьте, что это говорит Татарин, который сам пишет языком полутатарским. Не Татарское ли это нашествие? Не новая ли Орда в Литературе Русской? « [1: 507- 510].

Здесь, безусловно, нужно отбросить эмоциональную составляющую и сосредоточиться на главной мысли Шевырева, который был прав в том, что редактор Библиотеки для Чтения, не обладая настоящим эстетическим чутьем, поддерживал не самых талантливых поэтов и писателей в своем журнале. Тон критических статей Сенковского часто был оскорбительным, ерническим, зачастую невозможно было понять, хвалит ли он или ругает того или иного литератора. Это касалось даже таких признанных авторитетов, как Пушкин. Характерна в этом отношении публикация, где поднимался вопрос о том, являлся ли Пушкин автором поэмы «Востола»: «Певец Кавказского пленника сделал в новый год непостижимый подарок лучшей своей приятельнице, доброй, честной Русской публике. Та, которая любила его как своего первенца, любила так искренно, так благородно, так бескорыстно; та, для чьего сердца имя его было нераздельно с драгоценнейшею вещью в мире, – славою своего отечества, та самая, в возмездие за все свои нежные чувства, заслуживающая всякого уважения, получила от него, при визитном билете, «Востолу», с двусмысленным заглавием. Первым ее движением было – посмотреть в календарь; не пришлось ли, в нынешнем году, в новый год первое апреля. ...Для многих еще не решен вопрос о «Востоле». Каждый толкует по-своему слово «издал», которое, как известно, принимается в Русском языке также в значении – написал и напечатал. Одни утверждают, что это действительно стихи Пушкина; другие, что они не его, а он только их издатель. Трудно поверить, чтобы Пушкин, вельможа Русской словесности, сделался книгопродавцем и «издавал» книжки для спекуляций» [2: 32].

Непонятно, считает ли Сенковский Пушкина автором или лишь неудачливым издателем, далее приводится фрагмент поэмы – несколько слабых стихотворных строк, отнесение которых перу Пушкина оскорбительно.

В большинстве случаев критические выступления редакции «Московского Наблюдателя» были расположены в отделе «Смесь», зачастую они были анонимны. Наиболее интересным, можно даже сказать, уникальным представляется пример такой завуалированной, но едкой и злой критики, скрывавшейся в сказке Казака Луганского (как известно, под этим псевдонимом писал В.И. Даль) «Письма к свату о книжной и письменной управе благочиния» [3]. Заглавие, которое кажется каким-то загадочным, должно было привлечь внимание искушенного читателя. При чтении сразу бросается в глаза необычность содержания и формы «сказки». В пяти письмах – были, анекдоты, которые сопровождаются рассуждениями «свата», становится понятно, что собственно ради них и была написана сказка. В этих своеобразных комментариях эзоповым языком высказаны претензии к «Библиотеке для Чтения». Забавно, что в этот год Луганский активно сотрудничал с «Библиотекой» и публиковал там свои сказки, в частности «Бикея и Мауляну». Первая же фраза «письма» актуализирует ее скрытый полемический подтекст и содержит прямую цитату из статьи С. Шевырева: «Хочешь ли, сват, отучить судей-скорописчиков наших,

что берутся не за свое дело, да разбирают книжки не так, как обычай и совесть велит, по шкафам, по полкам, а изволят потешаться, мечут их под стол, да под лавку [выделено мною. – Г.Р.] – и говоришь ты, таких грамотеев, как делывал вечной памяти достойный пономарь наш, кормить бы палями по рукам, чтобы шли они в бабки играть, коли лапы чешатся, да в чушки, а за книги не смели бы и приниматься... – Сердечный ты мой! да разве даром говорится у нас: сколько волка как не корми, а он все в лес глядит...» [3: 349-350]. Далее автор рассказывает быль, которой ярко иллюстрирует истину «горбатого могила исправит». В «были» повествуется о женщине-пьянице, которую муж никак не мог отучить от пагубного пристрастия. Баба пьет до бесчувствия, и муж не знает, как воздействовать на нее. В конце концов, говорит, что боится погрести ее живую: «Люба моя, сердце мое, когда-нибудь я согрешу перед Богом, провинюсь пред тобой: я тебя живую закопаю в землю. – Как живую?... – Даже, вот и вчера, сам лекарь ошибся, уж и потрошить было собрался, да я не дал; жаль тебя, око мое заветное, стало, а хотел уже схоронить так, по-христиански: вон вишь, и гроб готов, и до попа, было, послали, спроси хоть у детушек своих, хоть у дворни» [3: 350-351]. Испугавшись, жена зарекается больше в рот не брать зелья, однако вскоре она вновь пьяна. Хозяин, воспользовавшись состоянием жены, укладывает ее в порожний мучной ларь. Проснулась пьяница, а муж говорит ей гробовым голосом, что она-де в царстве мертвых, что третьего дня померла, а вчера ее схоронили. А жена не растерялась, и обращается к обитателям «того света»: «Да нет ли у вас, отцы родные, на этом свете поиспить чего-нибудь – чай тоже с горя пьете – хоть бы стакан один, хоть бы рюмочку?» Вывод очевиден. Его-то и озвучивает «сват»: «Так-то сват; упрямого переспорит дубина, а горбатого могила; винокур твой, книгочей безграмотный, померет, а все ногою дрыгать станет, его от норова не отобьешь, не отучишь. Плюнь, сватушко, да и отойди, пусть его няньчится за Шайтаном; этот свое возьмет, на расправу потянет без нас ...» [3: 352-353]. Адресат «наставления», конечно, не сват, а вся литературная братия. Дружеский совет – не обращать внимания на злобного зоила, идти своим путем. Адресата критики тоже можно вычислить по подсказке, введенной в текст отнюдь не случайно. Всем известно, что О.И. Сенковский был очень авторитетным ориенталистом, поэтому «шайтаны», «муллы» и прочие восточные «реалии» намекали непосредственно на него.

В связи с этим хотелось бы обратиться к наблюдению исследователя прозы Даля Фесенко Ю.П., который отмечает: «В образе казака Луганского тонко совмещены и народный сказочник и просвещенный повествователь...Этот двойственный образ выводится даже в опубликованном в № 206 «Северной пчелы» от 6 сентября 1832 года авторском извещении о предстоящем выходе книги, которое написано отставным флота лейтенантом и доктором медицины Владимиром Луганским от имени своего свата и тезки казака Луганского. Диалогическое соотношение между двумя ликами остроумно варьируется на различных уровнях.... Автор нередко обращается к свату Демьяну и куме Соломониде как будто под влиянием мгновенно вспыхнувших ассоциаций. Подобная разговорность породила иллюзию сиюминутной импровизации, искреннего общения. Образ сказочника интонационно обогащался» [4: 72].

Во втором письме идут пространные размышления о «слепоте», которая не позволяет отличить истинно прекрасное от сиюминутного, преходящего: «Опять, сватушко, и то сказать: кому Бог не дал очей, тот слеп. ...А иному,

---

говору, кроме затылка не дано очей – и тот не увидит, ниже аза в глаза, а захочет судить да рядить в свою голову...» [3: 353-354]. Далее намеки на «слепого» судью становятся еще понятнее: «А как эдакой Кади или Казы, судья Мусульманский, засядет словно Паша какой, да столкнет еще порядочного кучера с козел, сам влезет, за вожжи ухватится, давит и вкривь и вкось, встречного и поперечного, уж не по дурусти своей, а просто потому, что ему Шайтан Египетский кривую, недобрую думу на душу положил? Коли у него сердце не терпит, чтоб кто-нибудь живой человек смел идти своим путем-дорогою, коли душа не принимает, желудок не варит, чтобы похвалили кого опричь его самого?» [3: 355]. Здесь, безусловно, речь идет о том, что бывший редактор «Библиотеки для Чтения» Корш переехал в Москву и единственным и полновластным хозяином журнала окончательно стал Сенковский. Он, кстати, и сам определенно высказался по этому поводу на страницах своего журнала: «Для отклонения неуместных догадок и толков, считаем нужным сказать откровенно, что с самого начала существования журнала, как-то почти всем известно, настоящим его редактором был всегда сам директор ... О.И. Сенковский, и что *никто* в свете, кроме г. Сенковского не имел ни малейшего влияния на состав и содержание «Библиотеки для Чтения». Все ее недостатки, равно, как и все достоинства, если какие были, должны быть приписаны ему одному» [5: 23-24]. Заявление, как видно, демонстративное. Но вернемся к сказке, в ней мудрый «повествователь» говорит еще об одной особенности Сенковского, который, прикрываясь многочисленными псевдонимами, такими, как Барон Брамбеус, Тютюнджю-оглу, расточал самому себе комплименты: «Коли он, сказав сам себе: ну ка Булкин, побудь ныне Сайкин, да заставит этого Булкина кадить Сайкину, приговаривая: Ай да Булкин! ай да хват! Что за детина! Нет супротив него на белом свете; с ним рядом весь люд православный и Немецкий и Заморский подделанной турецкой пары не стоит! Он один только и годится в люди. А там опять молвит: ну ка , Булкин, возьми-ка ты кадило, да покади Сайкину ... А мы с тобою, сват, темные люди, нам и не в догад, что и Булкин и Сайкин, один и тот же двуличный побираха...» [3: 355-356]. И все-таки у автора есть повод для оптимизма: вера в то, что рано или поздно читающая публика разберется, кто чего стоит: «И это бывает, сват, и об этом поговорим после; ложись спать, помолившись, да поужинавши, и не помяни его лихом; ... Разве не разгадают его, рано ль, поздно ль, да не скажут ему: *зась?* Скажут, брат Демьян; бывали у нас такие, что куролесили и верховодили, поколе нитка не оборвется – а там и ко дну!» [3: 356].

В последующих трех письмах варьируются все те же мысли. Автор вpleтает их в сложный контекст, истории и небылицы не только создают атмосферу балагурства, но и намекают на реальных лиц, к которым обращена сказка. «Сказывал мне кто-то вот еще какую быль. Хохлы, сидя в кружке, толкуют про *кармазы*, про алое сукно. Сторонний молодец подошел, да не вслушавшись в речь, вклепался, что цыган в ясли: согнул дугу Пошехонскую, соврал что-то ни в лад, ни в меру. Да полно, видал ли ты его, кармазы эти, спросил другой? Не только видал, и едал; отвечал тот, и думал огорошить да сбить с кону противника своего. Дурень, да оно сукно, подхватил третий. *Знаю, зеленое*; молвил опять-таки молодец наш – и дружный хохот земляков его едва только маленько озадачил неловкого всезнайку. ...». Автор вновь обращается к своему адресату: «Чего же ожидать нам, сват, коли этакие знатоки возьмутся

за книжную расправу? Скажи ему, что гнет он неколесную, что он неуч, он враль – не поверит; скажи, что ему бы не этим промыслом заниматься, не суд и ряд учинять над художественною работою других, а самому бы сесть в поденщики, чушки обоблванивать, да много, много чернильные орешки толочь – так окрысится, ошетинится, что куница в дупле» [З: 357-358]. Автор дает понять, что он отказывает в праве оценивать отечественную словесность человеку некомпетентному, лишенному всякого уважения к русской культуре, которую так высоко ценил сам В.И. Даль, человек нерусский по корням своим, но истинный патриот России. Представляется, что другая история сказочника намекает на издевательскую статью Сенковского об издании Пушкиным поэмы «Востола». Приведем здесь очередную нравоучительную историю из «письма» Луганского:

«А есть еще и такие, сват, что бегают сыщиками, лягавыми, из угла в угол, из кута в кут: дай ему только дорыться, докопаться до слова, которое можно выворотить наизнанку, из Луки сделать Акули – так его пряником не корми. Да вот, к слову, к прянику, молвить, где-то сказывают жил когда-то русский мужик, пряничник, смирно, тихо ... на него и взнеси кто-то, что он - упаси Боже и сохрани нас – ассигнации работает. ... Пришли, схватили, обыскали дом – все, вишь, искали досок ассигнационных – и нашли доски с надписью: *сия коврижка Вяземская* – а более ничего! А доносчик что-ж? спросишь ты; да что, пошел лазить по другим углам, не найдет ли еще чего захаять, обругать, придраться, да выворотить наизнанку. Ну, теперь, сват, что станешь делать с народом этого разбора, который пряничной доски от той, что ассигнации печатает не распознает?» [З: 358-359]. Думается, что В.И. Даль вовсе не случайно в своей бывальщине упоминает фамилию друга Пушкина, известного поэта П.А. Вяземского. В истории «о пряниках» появляется намек на то, что рассказ-то идет о делах литературных, а вовсе не гастрономических. Характерна фраза, которую автор выделил курсивом: *сия коврижка Вяземская* – а более ничего! Пушкин – издатель, поэтому его имя и фигурирует рядом с поэмой «Востола», а более ничего!

Излюбленная идея автора – о необходимости терпимо относиться к чужому творчеству, она красной нитью проходит по всей «сказке»: «Например, иной, что глянет на тебя-ль, на другаго-ль, то признает зараз соперника, супротивника. Он не верит тому, что простора много, белый свет не маков цвет, три жучка да козявка не источат, не изведут его; он думает, что место ему одному; был бы цел да жив он, а иных прочих колом бьет. Свой кафтан ближе к плечам, оно так; да ведь я прошу только: не подставляй ноги мне, не ищи во мне супротивника, и я тебе кунак [подчеркнуто мною. – Г.Р.], приятель; ты иди своим путем, хватай чины, что блины, полезай в знать, а меня покинь на распутьи, не дожидайся меня; я по своим приметам дойду, куда Бог велит... станем на том, что, как я говорю, всякому простора много...» [З: 360-361]. Именно употребление тюркского слова «кунак» должно подсказать читателю, к кому так упорно апеллирует автор сказки.

Интересна и другая притча, которая включена Далем в текст «писем». Ее иносказательный смысл совершенно понятен в контексте целого повествования, да, впрочем, автор каждый свой рассказ заключает нравоучением, обращенным к своему оппоненту. Речь идет об интересном диалоге, который ведут гусь и ручей. Разговор этот – о скромности, достоинстве, с одной стороны, о гордыне, тщеславии – с другой. Гусь спрашивает у ручья:

«– А что, брат, для чего тебе бы не разлиться, этак, пошире, примером сказать, как речка наша?

– Обмелеть не охота, отвечает ручей; руки, ноги в комок, да в заветный куток – оно лучше.

– А чего ты не прядешь, этак, с обрыва на камень, не мечешься водопадом?

– Что пути в этом? – рассыпаться брызгами, пеною, да после, кой-как, раскачавшись, расклепавшись, доплестись на место! Пусть прыгает козел, да баран, да еще тот, кому охота!

– А для чего ты не станешь на ноги, не пойдешь в гору водометом, как у нас, у барина, в саду есть один – куда высоко подымается! И тебе-б тоже, братец!

– Двойная работа, сестрица; что выше подымешься, то ниже падать придется. И звезда, сказывают, падает, коли не в свое место больно высоко в поднебесье затешется.

Гусь ... сам про себя бормочет: врет она, бесталанная лужа – а сей час и бранится, лужа! Кому-б охота под кустами невидимкой плестись, коли можно было пощеголять, да поблеснуть? Не поверю я, чтоб он, воркотун, не подыскивался под водометы нашего барина, что в саду потешно столбом играют и век свой без забот, без хлопот живут. А лукав свет, ручеек наш притаился и молчит!» [З: 362-363]. Мораль басни ясна, но автор закрепляет «урок» и в своем комментарии: «Ты ступай, делай свое, дерись в гору, пялься в пальцы, золотишься золотом, – да меня, не задевай; я иду своим путем; (подчеркнуто мной. – Г.Р.) а пуще того, не задевай меня по площадному, да не суди по топорному ... Приговор сделал на весь мир и надседаешься, что фельдфебель на домашнем ротном учении, чтоб, вишь, все его одного слушали, а ни запнуться, не закинуться не могли никто!» [З: 363-364]

И в заключение сказки, в пятом письме, высказывается еще одна претензия О. Сенковскому, в котором осуждается неуважительное отношение к русской культуре, к православию. Как только не называет редактора «Библиотеки» автор – и калмыком, и татаринном, и муллою, все это нужно для того, чтобы подчеркнуть чужеродность этой фигуры в российской словесности: «А ты, говорят, хотел запеть по-соловьиному, а в тебе ни стати, ни ладу нетути; а и ты затеял – знаем что, да тебе до этого, что кулику до Петрова дня; есть немного и в тебе, и был бы тут и прок, коли б у нас поучился, да, вишь, приемы не те; а видно по всему, что хочется запеть, как люди поют и, как и мы поем; ... Так выкрестись прежде, неправославная, неправодушная душа, да выучись говорить не по-Калмыцки, а по-Русски, да и тогда – а до этого еще, что нечистому до Царствия Небесного – да и тогда еще возьми глаза в руки, да души человеческой хоть на прокат, да и гляди и смекай, что делаешь...» [З: 365-366]. Впрочем, В.И. Даль не был очень уверен, что его проповедь отрезвит адресата и заставит его измениться. Он рассказывает своему Демьяну поучительную историю про Жидка, который мечтал извести кота, не дававшего ему спать. Он говорит прислуге: «Поймай кота, закинь его на сенник, да прими лестницу, чтобы он там окошел». Вполне понятно, что проведенная акция абсолютно бесполезна. Автор продолжает: «И были б мы с тобою, сват, простей Жидка, который думал, что кот без лестницы окошлет в сеннике, коли б обнадеживались, что те, о которых я говорил, замолчат, аль хоть опамянутся после наших про-

стых толков! Будет у Жида кот кричать, будут и они лаяться ... а мы с тобою, знай свое, служи службу, трудись и тружайся...» [З: 366].

Характерна приписка, которой заканчивается сказка: «*Приписка*: Письмо это писано, переписано, с дальней стороны домой прислано; кружило, кружило, да в матушку Москву угодило; из Москвы на все четыре стороны пойдет, правого минует, виноватого найдет» [З: 367]. Наверное так и случилось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Московский наблюдатель. – 1835, апрель. – Книга 2. – С. 493–525.
2. Вастола, или Желания. Повесть в стихах, сочинение Виланда. Издал А.Пушкин. – СПб., 1836 //Библиотека для Чтения. – 1836, том 14. – Литературная летопись. – С. 31–35.
3. Московский наблюдатель, 1836, №№ 9–12. – С. 349–350 (В дальнейшем будут указываться только страницы, текст сказки приводится без всяких изменений в орфографии и пунктуации).
4. Фесенко Ю.П. Проза В.И.Даля. Творческая эволюция. – Луганск-СПб., 1999. – С. 72.
5. Литературная летопись. Разные известия // Библиотека для Чтения, 1836, т. 17, ч. 1, с. 23-24.

G. RAMAZANOVA

PAGES OF “ MOSCOW OBSERVER ‘S” LITERARY POLEMICS (DAL’S PUBLICATIONS IN MAGAZINE)

In this article we speak about insufficiently known magazine of the 19th century. This magazine was engaged in polemics with “The Library for Reading” that was edited by O.I. Senkovsky. In V.I. Dal’s fairy tale “Letters to matchmaker” the claims to the editor of “The Library for Reading” were expressed by the Aesopian language. Numerous hints help to discover polemical subtext of this work. In this article we make the fairy tale’s quotations that are unknown to wide circle of readers.

Key words: fairy tale, Esop’s language, polemic implied sense.